
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Дмитрий Антонов
VSTAE

https://litres.ru/74815339
SelfPub; 2026

Аннотация

Два разных мира, две крайности, и одна линия жизни.

Александра Серебрякова - гениальная скрипачка и дочь влиятельного прокурора, которая живёт по правилам отца. Она задыхается в "золотой клетке" и мечтает сбросить оковы, чтобы взять свою жизнь в свои руки.

На её пути встречаются два мужчины:

Филипп Морозов - галантный и богатый бизнесмен, предлагающий похожую жизнь, но с правом выбора и свободой.

И Станислав Волков - главный претендент на чемпионский пояс UFC. Это человек из совершенно другого мира, где правят кровь, боль и первобытные законы.

Что ждёт Александру, когда эти миры пересекутся, а за её спиной начнется смертельно опасная игра?

Содержание

Глава 1. Воля. 4
Глава 2. Вкус триумфа с запахом фиаско. 11
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Дмитрий Антонов
VSTAE

Глава 1. Воля.

Влажный ветер колет лицо. Стою на краю скалы, вдыхая холодный воздух с запахом сосновой смолы и мокрой земли. Грудь тяжело вздымается, сердце колотится, в горле пересохло. Я все ещё чувствую, как последний рывок на каменную гору отдаётся в каждом мускуле. Наконец, можно перевести дыхание и почувствовать родной край.

Здесь в тумане тонут озёра, а на горизонте тайга сливается с хмурым небом, рождая суровую красоту природы. Закрываю глаза. Прислушиваюсь к глухому рокоту вековых сосен. Это наполняет силой. Здесь легко дышать и думать. И только внезапное карканье ворона из ниоткуда прерывает эту гармонию.

Пока поднимаются остальные, я успею сделать ещё отжимания. Упор лёжа. Острый камень впивается в ладони. Каждое повторение не просто работа на силу. Это способ очистить голову и оставить в ней главное. Меня ждёт Москва. Вся Россия. Весь Мир. А пока... Последняя неделя подготовки.

Впереди главный бой в моей жизни. Лучшие соперники уже позади. Остался один — самый опасный. В этом бою придётся быть быстрее, точнее и терпеливее, чем всегда. Нужно быть готовым к любому повороту. Тело готовится к испытанию. Стиснув зубы, отталкиваюсь от земли дрожащими руками и слышу за спиной знакомый голос:

— Ну вот, посмотрите, как ведёт себя настоящий чемпион, — с лёгкой одышкой выговаривает тренер. — Он не отдыхает, пока ждёт нас. Он продолжает работать.

Поднимаюсь. Иван Петрович переводит взгляд с меня на ребят, которые только добрались до вершины. В его лице одновременно и гордость, и требовательность.

— Пять минут на воду, и делимся на пары. Стас, ты со

мной.

Эти пять минут пролетают, как мгновение, и мы встаём друг напротив друга. Иван Петрович смотрит на всех сразу.

— Сегодня я хочу, чтобы вы показали, на что способны, когда заканчиваются силы. Работаем от плохих положений. Упал — вставай. Отдал ногу — возвращай. Оказался снизу — выходи.

Он кивает мне.

— Давай, Стас, покажем.

Ложусь на землю. Иван Петрович сразу перехватывает мою ногу, прижимает стопу к корпусу и фиксирует бедро.

— Если в этом положении тянуть ногу на себя, вы только поможете сопернику, — объясняет тренер. — Если дадите выпрямить корпус и вытянуть стопу, то придётся сдаться. Смотрите, как отсюда выходит Стас.

Убираю колено с линии атаки, разворачиваюсь корпусом, ладонью ищу его голень. Земля скользит под спиной, осыпавшиеся хвойные иголки лезут за ворот, но я нахожу опору второй ногой.

— Осторожно, не тяни на силе, Стас!

Смещаю таз, захватываю его ногу и перекрываю ему движение корпусом. На мгновение он теряет положение. Этого хватает. Освобождаю стопу, перекатываюсь и оказываюсь сверху. Давлю.

— Вот так, — говорит Иван Петрович и стучит по моему бедру.

Отпускаю, и мы поднимаемся. Тренер поворачивается к группе.

— Лучший способ выйти из этого положения — это перехват. Всё ясно? Один снизу, второй — уже с захватом. Задача нижнего — занять верх. Задача верхнего — удержать позицию. После свистка меняетесь. Начинайте.

Следующий час проходит почти без пауз. Каждый раунд начинается там, где обычно заканчивается поединок: с захваченной ноги, из-под давления, спиной к земле, с чужим весом сверху. Наконец, Иван Петрович подаёт свисток.

— Время! Хорошая работа, парни, — говорит он. — На сегодня закончили. Возвращайтесь в спортзал. Все, кроме Стаса.

Ребята хлопают меня по плечу, желают удачи и уходят, а я сажусь на землю, чтобы передохнуть.

— Ну что, чемпион, как ощущения? — подходит ближе тренер.

— Нормально.

— Устал?

— Устал.

— Хорошо. Значит, твоя тренировка только начинается.

Тяжело поднимаю на него взгляд.

— Чем отличается хороший боец от чемпиона? — спрашивает тренер.

— Чемпион лучше?

— Стас, ты чемпион Мира по самбо. Но Тиаго Брага уже

много лет удерживает пьедестал в UFC. Кто из вас лучше?

— Тот, кто победит.

— В вашем поединке всё решится тогда, когда вы оба устанете. Победит тот, кто сможет продолжать.

Он медленно проходит вдоль края поляны, осматривая землю, и останавливается у толстого мокрого бревна.

— Это твой снаряд. Сделай с ним сто выпадов. Если уронишь, бревно победит. А если тебя победит это бревно, то что с тобой сделает Брага?

Я смотрю на его едва заметную хитрую улыбку, затем на бревно. Оно мокрое, покрытое мхом и землёй, и кажется невероятно тяжёлым.

— Сто выпадов?

— Ты с чем-то не согласен?

— Да нет... я просто встать не могу...

Тренер достаёт из кармана телефон и протягивает его мне.

— Зачем? — удивляюсь я.

— Позвони Браге и скажи ему, что не можешь встать.

Стиснув зубы, встаю и подхожу к бревну. Внутри всё сопротивляется, тело требует остановиться. Но это не просто кусок дерева. Это проверка. Смогу ли я продолжить, когда уже кажется, что сделал достаточно? Подхватываю снаряд и закидываю его на плечи. Вес сразу тянет в сторону.

— Сколько же оно весит? — пробубнил я.

— Какая разница? Математикой будешь заниматься, когда получишь свой гонорар за победу в бою. А сейчас иди

выпадами.

Собираю корпус, выравниваю дыхание и делаю первый шаг. Через несколько шагов земля начинает уходить из-под ног. Хочется всё бросить, но перед глазами появляется образ Тиаго Браги. Он со своей голливудской улыбка, с поясом чемпиона UFC. Он словно дразнит меня, но в этих видениях слышу голос Ивана Петровича.

— Ну что, Стас, как ощущения?

— Нормально.

— Какой выпад по счёту?

— Не знаю, — выдавливаю я. — Я уже не считаю. Просто иду. Надеюсь, вы считаете.

— Можешь не сомневаться. Я всё считаю, — спокойно отвечает он.

— Ну и сколько?

— Сейчас… будет сто шестой, — улыбается тренер.

— Тогда ещё четыре и закончим.

Последние шаги. Сбрасываю бревно с плеч. Усталость сменилась подъёмом, будто открылось второе дыхание. Бревно лежит у моих ног. А я всё ещё стою.

Глава 2. Вкус триумфа с запахом фиаско.

Свет прожекторов неприятно ослепляет. Моргаю, привыкая к яркости. Сердце колотится так, будто хочет вырваться из груди, но я должна улыбаться. Зал только что взорвался аплодисментами в мою честь.

Смотрю на первые ряды. Мама. Она сидит счастливая, со слезами на глазах. Обычно внимательна к каждой детали внешности, но сейчас даже не замечает потёкшую тушь. Рядом тётя Наташа сияет от гордости и подмигивает мне. По другую сторону от мамы сидят мои подруги и почти коллеги — Катя и Настя. Они снимают меня на телефон и что-то радостно кричат.

— Браво! На бис! Браво!

Эти слова доносятся со всех сторон. Я счастлива. Я сделала это. Преодолела ещё одну ступень на пути к вершине в музыке.

Прижимаю к груди золотую медаль международного конкурса имени Чайковского. Номинация «Скрипка». Это не просто успех и крупный денежный приз. Это цель, к которой я шла с детства. Это признание. На сцену летят букеты: красные розы, белые лилии, орхидеи.

Собираю цветы и ухожу за кулисы. Аркадий Яковлевич, мой импресарио, выскакивает мне навстречу. Он раскраснелся, очки съехали на кончик носа. Хватает меня за плечи и почти кричит со своим характерным еврейским акцентом:

— Шо это такое было, я тебя спрашиваю?! — Он делает паузу, будто ждёт ответа, но тут же продолжает: — Это сенсация! Просто невероятная сенсация!

Обнимаю его и целую в щёку. Я действительно благодарна ему за всё. Он вложил в меня много сил, времени, веры.

Обычно строгий и собранный, сейчас он радуется, как ребёнок.

— Ты таки гений, девочка моя! Шо я тебе говорил?! Я всем говорил! Ну кто, скажите мне, кто ещё так сможет сыграть на скрипке?!

Он обращается уже не только ко мне, но и ко всем вокруг. Даже к охраннику:

— Парень, ты слышал?!

Потом он снова наклоняется ко мне и понижает голос почти до заговорщицкого шёпота:

— Даже сам ваш Паганини, будь он сейчас здесь, признал бы свою La Campanella в твоём исполнении лучшей. Я тебе говорю совершенно точно!

Кажется, от восторга он готов сказать что угодно, но эта лесть приятна. Улыбаюсь:

— Не преувеличивайте. Никто не сравнится с маэстро Паганини.

Но Аркадий Яковлевич не унимается:

— Да перестань! Твой маэстро уже давно своё отыграл, пусть земля ему будет пухом. А сейчас восходит новая звезда! Александра Серебрякова! Ты слышала зал? Ну кому ещё так будут хлопать? Кому?

— Ну хватит, — отшучиваюсь я, — мы с вами столько лет вместе, что вы скоро сами так заиграете.

— Так я разве имею шо-то против? — смеётся он. — Если бы я мог так играть, мамой клянусь, я бы уже давно лежал

на пляже в Майами и попивал кошерный коньяк!

Идём в гримёрную. Аркадий Яковлевич приговаривает:

— Шо это за талант такой свалился мне на голову? И главное, как вовремя! Нам надо срочно в Берлин! Нет, в Нью-Йорк! Нет, в Парижскую оперу! Божечки, да по тебе Государственная премия плачет!

Сдерживаю смех и пытаюсь вернуть его к реальности, но он не слушает.

— Нет! Международная премия рыдает крокодильими слезами! Виотти, Роде, Иоахим... Всех затмим! Ты, Сашенька, теперь великая русская скрипачка, и вся Европа хочет тебя услышать! Шо это за гешефт такой? Шо за золотая жила?

У двери гримёрной уже толпятся люди: администраторы, журналисты, мужчины в дорогих костюмах. Все хотят поздравить меня и выразить восхищение. Аркадий Яковлевич расталкивает толпу, как маленький бульдозер.

— Дайте дорогу артистке! Потом! Всё потом! Не мешайте звезде сиять!

Пробираюсь за ним. Щёки горят от волнения и смущения, когда я слышу обрывки фраз: «Гений!», «Невероятный талант!», «Будущее русской музыки!».

Заходим в гримёрную. Несколько журналистов пытаются пройти следом, но Аркадий Яковлевич закрывает дверь прямо перед их носами:

— Всё, всё, потом! Идите, я вас умоляю! Шо вы пристали к девочке, как банный лист к известному месту? У неё сей-

час нервы на пределе, а вы лезете со своими глупыми вопросами! Идите погуляйте, потом вам будет интервью. И вообще, чтоб я вас здесь больше не видел!

Сажусь на пуф перед зеркалом. На туалетном столике лежит телефон. Разблокирую экран и вижу сообщение от папы:

«Сашенька, доченька моя! Ты сегодня заставила меня плакать от гордости. Знаю, сколько труда ты в это вложила. Помни, что я всегда рядом, что бы ни случилось. Люблю тебя и жду в гости. Отметим это всей семьёй».

Сообщение трогает до глубины души, но я откладываю телефон. Мне нужно поговорить с Аркадием Яковлевичем. Смотрю на него через зеркало. Он всё ещё говорит, едва переводя дыхание:

— Саша, ты... Ты моя гордость. Шо бы я без тебя делал? Нам надо отдохнуть месяц, а потом отправимся в турне: Дрезден, Берлин, Вена, Рим, Париж, Лондон… Ой, что будет, мама моя дорогая!

Он хватает меня за плечи и сжимает так, будто хочет задушить любовью. Он ещё не знает о моём решении. О том, что это было моё последнее выступление. Он говорит о будущем с таким восторгом, что мне становится неловко разрушать его планы. Но я должна сказать правду.

— Аркадий Яковлевич, я хочу вам кое-что сказать.

— Никаких «кое-что», Сашенька! Сегодня мы празднуем твой триумф! Всё потом!

— Аркадий Яковлевич, я ухожу.

— Куда «ухожу»? А как же банкет? Это надо отметить, и красиво отметить!

— Я ухожу из музыки.

Он замирает. Лицо вытягивается, улыбка исчезает. Но через секунду он снова пытается улыбнуться.

— Ах, вот шо значит настоящий талант! Талантлива во всём: и на скрипке виртуозно играет, и шутит, как настоящий юморист. Только ты будь осторожнее, ради Бога. Такими шутками можно довести меня до инфаркта. Мне всё-таки 61 год.

Он ждёт, что я рассмеюсь. Но я смотрю на него через зеркало и не отвожу взгляда.

— Я хочу объявить об этом на банкете, но считаю, что вы должны узнать первым.

Несколько секунд он молчит. Потом наклоняется и почти шёпотом говорит:

— Ты что... С ума сошла?

Пауза. Время замирает. Только наши отражения в зеркале застыли друг напротив друга и... Ничего не происходит. Затем он отступает, хватается за голову и начинает метаться по гримёрной, бормоча себе под нос:

— Таки сошла с ума... Таки свихнулась! Я переживал, чтобы ты не заболела звёздной болезнью, а тут всё гораздо хуже.

Потом снова подходит, наклоняется ко мне и тихо, но сердито говорит:

— Ты мне это прекрати, слышишь? Ты не можешь просто

так всё бросить! — Его тон постепенно повышается. — Это безумие! Все твои годы тренировок! Вся моя душа, вложенная в тебя! А контракт? Ты столько можешь достичь!

Не отвечаю.

— Ну хорошо... Не хочешь подумать о себе... Подумай о родителях! Что скажет твоя мать? А отец? Он же верит, что ты прославишь его фамилию. Я даже боюсь представить, что он сделает.

— Уверяю вас, отец не сделает ничего плохого.

— Да ты можешь стать известной скрипачкой на весь мир! Не смей мне это похоронить!

В этот момент открывается дверь. Входит мама. Она слышала последние слова и сразу понимает, что что-то произошло.

— Что случилось?

Аркадий Яковлевич эмоционально отвечает:

— Что случилось? Да то, что ваша дочь решила, что Аркадий Яковлевич уже достаточно пожил на белом свете, и теперь самое время загнать его в могилу! — Он снова понижает тон и с иронией продолжает, глядя маме в глаза: — А я ведь отдал этому ребёнку лучшие годы своей жизни.

Несколько секунд он смотрит с надеждой на маму.

— Пожалуйста, вразумите её. — И он быстро выходит.

Мама подходит ближе.

— Доченька, что происходит?

— Я хочу объявить сегодня на банкете, что ухожу из му-

зыки.

В её взгляде появляется непонимание.

— Куда?

— Мам, я понимаю, что это серьёзный шаг. Но я хочу создавать одежду.

— Одежду? Но ты не модельер. Ты музыкант.

Я поворачиваюсь к ней.

— Мама, я понимаю, как это звучит. Я благодарна вам с папой за всё, что вы для меня сделали. Я знаю, что моя музыка приносит вам радость и гордость. Но я должна следовать своему сердцу. Да, я не модельер. Я музыкант, потому что вы в первую очередь этого хотели. И я отдалась музыке полностью. Но теперь хочу идти своим путём. У меня есть люди, которые помогут. Не переживай. Я понимаю, что делаю.

— Дочка, ты стала музыкантом потому, что у тебя талант. Разве родители других девочек не хотели того же? Но этот приз получила именно ты. Я понимаю, что тебе нужно самовыражение. Я знаю, что ты способна на многое. Но музыка — это часть тебя. И эта награда тому подтверждение.

— Знаю, мама. И я ценю твою заботу. Но талант и успех давно не приносят мне радости. Музыка была навязана мне папой в детстве, а теперь вызывает усталость и отторжение. Я вымотана. Для меня это уже не свобода, а груз. Я будто живу в золотой клетке и хочу выбраться из неё. Хочу доказать себе, что могу добиться успеха в деле, которое выберу сама. Позволь мне попробовать. Может быть, я талантлива

не только в музыке. Если я не рискну, мы этого не узнаем.

Мама берёт мои руки в свои.

— Я доверяю тебе, моя милая. И твои заслуги в музыке — большое достижение. Но это ещё не вершина. Аркадий Яковлевич драматизирует, но в его словах есть правда. Ты можешь достичь очень многого. Такие решения не принимают спонтанно.

— Мама, это не порыв. Я месяцами думала, всё взвешивала. Это осознанное решение.

Она касается ладонями моего лица.

— Тогда, пожалуйста, ради меня, возьми паузу. Не объявляй об этом на банкете. Просто проживи этот вечер, прими поздравления. А через неделю мы спокойно всё обсудим. И если ты всё ещё будешь уверена, я тебя поддержу.

— Хорошо. Я не объявлю. Но неделя ничего не изменит. Моё решение выношено.

Мама тяжело вздыхает.

— Какая же ты у меня умница и красавица. Иногда меня поражает, как ты изменилась после развода. Ты всё решаешь сама, не советуешься, многое держишь в себе. Это делает тебя сильной и взрослой. Но для меня ты всегда будешь моей девочкой. Мне хочется, чтобы ты делилась со мной. Не для того, чтобы я могла на тебя повлиять. Просто потому, что я твоя мама. Мне важно быть рядом, поддерживать тебя, даже если я не согласна с тобой.

Она обнимает меня.

— Я уверена, что ты реализуешь любые планы. Я всегда на твоей стороне, что бы ты ни решила. Я горжусь тобой не только за музыку, а за то, какой женщиной ты стала. Иди на банкет, радуйся. А через неделю поговорим не об уходе из музыки, а о том, куда и как ты хочешь двигаться дальше.

— Спасибо, мама.

Я снимаю медаль и надеваю её ей на шею.

— Эта награда твоя.

Мама улыбается, но у нас обеих на глазах слёзы. Её поддержка даёт мне уверенность. Она была рядом весь мой путь к этой медали. Сегодня я её получила. А завтра начну возвращать себе жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.